

A photograph of the interior of a train carriage. The carriage is dimly lit, with overhead lights providing a warm, yellowish glow. Passengers are seated in rows, many of whom are sleeping. Some are leaning back in their seats, while others are resting their heads on the window frames or the seats. The windows are dark, suggesting it is nighttime. The overall atmosphere is quiet and somber.

Дмитрий Марр

Звездочет 2. Спящий вагон

18+

Дмитрий Марр

Звездочет 2. Спящий вагон

<https://litres.ru/74252304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шокирующее продолжение истории следователя Михаила Россинского!

Новое дело переплетается с прошлым: в городе появляется серийный убийца, методично уничтожающий тех, кто избежал правосудия.

Атмосфера книги пропитана вязким ужасом и неотвратимостью зла. Сюжет держит в напряжении до последней страницы.

Погрузитесь в мир, где грань между правосудием и местью размыта. Время тикает, а убийца уже сделал первый ход..

Дмитрий Марр

Звездочет 2. Спящий вагон

Спящий вагон

Глава 1

Март вполз в Москву сыростью и туманом. Снег на обочинах съёжился в серые пористые кучи, похожие на остывший пепел. Асфальт блестел под фонарями, как рыба чешуя. В воздухе пахло мокрым металлом и выхлопными газами — запах города, который просыпается не от желания, а по обязанности.

Михаил Россинский не спал.

Он сидел за своим столом в пустом отделе на Хавской, 26. В помещении горела только его настольная лампа — круг жёлтого света выхватывал из темноты разбросанные папки, фотографии и старую кассету с полустёртой этикеткой. Остальной кабинет тонул в тенях. Окна слепы от ночи.

Часы показывали 03:14.

Он не знал, который раз перечитывает одно и то же. Де-

ло № 2417. Три года назад. Мытищи. Мужчина, женщина, трое детей. Звёзды из порезов на лбу. Полумесяц на стене дома. Звездочёт. Тогда его ещё не называли этим именем — имя пришло позже, с новыми телами. Тогда это было просто странное убийство, которое списали на бытовуху, потому что улики не было, свидетелей не было, а подозреваемый растворился в воздухе, будто его и не существовало.

Но он существовал.

Михаил знал это теперь точно.

Записка лежала перед ним — клочок бумаги, придавленный кружкой с давно остывшим чаем. Три слова. Почерк — убористый, с наклоном влево, буквы острые, как зубья пилы.

До встречи.

Он перечитывал её каждый день. Иногда ему казалось, что чернила меняют оттенок в зависимости от освещения: днём — тёмно-синие, ночью — почти чёрные, с багровым отливом. Галлюцинация, разумеется. Но галлюцинации — часть пейзажа, когда спишь по два-три часа в сутки уже несколько месяцев.

С тех пор как Барышева взяли, как передали его дело в

суд, как официальное расследование по Звездочёту приостановили «в связи с отсутствием новых улик», прошло три с половиной месяца. Для всех остальных это означало конец. Для Михаила — паузу. Он не принял формулировку «приостановлено». Он продолжал.

Ночные часы в пустом отделе стали его графиком. Он приходил после работы, оставался до утра, рылся в архивах, слушал кассеты отца. Спал урывками — на старом диване в подсобке, в машине на парковке, иногда просто за столом, положив голову на скрещенные руки. Ел что придётся. Следил за собой ровно настолько, чтобы коллеги не начали задавать вопросов.

Коллеги всё равно задавали вопросы.

В коридоре зашуршало. Шаги — лёгкие, быстрые. Он узнал их раньше, чем дверь открылась.

Надя.

Она вошла без стука — привилегия, которую она сама себе присвоила несколько месяцев назад и которую он так и не оспорил официально. В руке — стаканчик с кофе из автомата на первом этаже. Волосы собраны в пучок, заколотый карандашом. Пальто нараспашку. Значит, только приехала.

— Третья ночь подряд, — сказала она вместо приветствия. Голос звучал ровно, но в нём угадывалась та особая интонация, с которой говорят с больными, отказывающимися принимать лекарства. — Я проверяла журнал входа. Ты не уходил с вечера вторника.

— Поздравляю, ты умеешь читать журналы, — отозвался Михаил, не поднимая глаз. — Хочешь медаль?

— Хочу, чтобы ты пошёл домой.

— Я дома.

Она подошла ближе. Поставила стаканчик с кофе на край стола — рядом с его кружкой, от которой уже не шёл пар.

— Это не дом, Миша. Это склеп.

Он поднял на неё глаза. В жёлтом свете лампы его лицо выглядело старше своих двадцати восьми. Тени под скулами, резкая складка между бровей, воспалённые веки. Чёрное пальто он не снял даже в помещении — сидел, втянув голову в плечи, будто замёрз. Растянутый свитер под пальто был мятый, явно несвежий. Спортивные штаны с пузырями на коленях.

Надя смотрела на него и запоминала. Позже, оставшись одна, она достанет блокнот и запишет: «Сегодня третья ночь без сна. Выглядит как человек, который держится на кофе и ненависти. На мои слова реагирует сарказмом, но сарказм — это броня. Под бронёй — что-то хрупкое. Или уже сломанное».

— Что ты делаешь? — спросила она, кивнув на разложенные папки.

— Ищу.

— Его?

— Да.

— Дело приостановлено.

— Мне плевать.

Она вздохнула. Взяла стул, села напротив. Сцепила руки в замок — тонкие пальцы, короткие ногти без маникюра, профессиональная привычка следователя не оставлять лишних следов ни на чём, включая собственные руки.

— Миша, послушай. Я понимаю. Он задел тебя лично. Записка, эти игры. Но ты себя убиваешь. Ты не спишь. Ты не ешь. Пётр говорит, ты перестал даже шутить. Пётр! Который боится крови и шутит даже в морге! Если он заметил — это плохой знак.

— Пётр боится крови, но не боится лезть не в своё дело, — буркнул Михаил. — Передай ему, что я в восторге от его наблюдательности.

— Передам. Но проблема останется. — Она помолчала. — Посмотри на себя.

Он посмотрел. Медленно, нехотя, как человек, который знает, что увидит в зеркале что-то чужое, и не хочет этого видеть.

— Я в порядке, — сказал он.

— Ты врёшь. И ты плохо врёшь в последнее время.

Он не ответил. Взял кружку с чаем, поднёс к губам. Чай был ледяной. Он выпил глоток — механически, без вкуса. Поставил кружку обратно на записку.

Надя проследила за его движением. Заметка в блокноте

позже будет: «Чай стал просто действием. Никакого ритуала. Никакого “миру-мир”. Он даже не заметил, что чай холодный. Или заметил, но ему всё равно».

— Завтра, — сказала она, поднимаясь, — точнее, уже сегодня, в девять утра, у нас летучка. Громов будет. Я прошу тебя — хотя бы прими душ перед этим. От тебя пахнет подвалом.

— Это архивная пыль. Я работал в архиве.

— Это пахнет не пылью. Это пахнет отчаянием.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Её кофе остался на столе. Он не притронулся к нему.

Тишина сомкнулась обратно, как вода над головой. Он снова посмотрел на записку. Потом на часы: 03:37. Потом на кассету с этикеткой. Отец записал её за полгода до смерти. Михаил не слушал её уже неделю. Он боялся, что голос отца начнёт звучать по-другому. Что он привыкнет. Что кассета станет просто кассетой, а не разговором.

Он достал из ящика старенький диктофон — тяжёлый, советский, с большими кнопками. Вставил кассету. Нажал «play».

Треск. Шипение. Потом голос — низкий, с хрипотцой, с той особенной интонацией, которая бывает только у очень близких людей, когда они говорят наедине.

«Миша, если ты это слушаешь, значит, я уже не могу ответить. Значит, ты задаёшь вопросы, а меня нет. Прости за это. Я записал всё, что смог найти. Про человека, которого мы называли Художник. Хотя он не художник. Он астроном. Он чертит свои карты. И карты эти — люди».

Михаил закрыл глаза. Голос отца заполнял пустоту, как вода заполняет трещины в камне. На несколько минут он переставал быть один.

«Он оставляет звёзды. Ты видел их на телах. Шесть лучей, порез от бритвы или скальпеля, нанесён сразу после смерти. Не до — он не пытается. Он рисует. И полумесяц. Полумесяц — это его подпись. Но не только. Полумесяц — это фаза. Он что-то считает. Что-то связанное с циклами. Я не успел понять, что именно...»

— Что именно? — прошептал Михаил в тишину. — Что ты не успел, пап?

Магнитофон не ответил. Голос продолжал — о старых

делах, о городах, где находили тела, о промежутках между убийствами, которые отец сводил в таблицу. Михаил знал эту запись наизусть, но всё равно слушал — как слушают старую пластинку, не ради музыки, а ради голоса певца.

Он не заметил, как отключился.

Очнулся от того, что магнитофон щёлкал — кассета кончилась. За окном серело. Дождь стучал по подоконнику. Голова лежала на скрещенных руках, спина затекла. Он выпрямился, чувствуя себя разбитым старым механизмом, который забыли смазать.

Светало. Серое мартовское утро просачивалось в окна, разбавляя жёлтый свет лампы. Михаил выключил магнитофон, достал кассету, убрал в ящик. Аккуратно. Отец учил его: порядок в вещах — порядок в голове. Ирония в том, что сейчас у него не было ни того, ни другого.

Он встал, потянулся. Хрустнули суставы — тело протестовало. В кармане пальто завибрировал телефон. Сообщение от Петра:

«Шеф злой. Ищет тебя. Похоже, новое дело. Приходи, пока он не вызвал ОМОН».

Михаил убрал телефон, не ответив. Сложил папки в стопку. Записку «До встречи» сунул во внутренний карман пальто — туда, где она лежала всегда. Ближе к сердцу, сказала бы Надя, если бы знала. Романтическая дура. Но она была права.

Кабинет Громова находился на третьем этаже. Окна выходили на Хавскую улицу — серую, мокрую, с редкими прохожими, которые кутались в воротники и спешили мимо. Полковник Илья Сергеевич Громов сидел за столом, прямой как штык, и перебирал бумаги. Когда Михаил вошёл, он не поднял глаз — только кивнул на стул.

— Садись.

Михаил сел. Термос с чаем поставил на колени — привычка, от которой он не отказался. Но не открыл. Просто держал обеими руками, как грелку.

Громов поднял взгляд. У него было лицо человека, который умеет принимать решения. Тяжёлые надбровные дуги, глубокие глазницы, седой ёжик волос. Он смотрел на Михаила долго, оценивающе. Так смотрят на прибор, который показывает неверные данные.

— Ты выглядишь как дерьмо, — сообщил он.

— Спасибо за откровенность.

— Это не комплимент. Это диагноз. Когда ты спал в последний раз?

— Сегодня. Час назад.

— Врёшь. У тебя глаза красные уже третью неделю. Я замечаю.

Михаил промолчал. Громов откинулся в кресле, скрестил руки на груди. На столе перед ним лежала тонкая папка — явно новое дело, судя по свежести обложки. Рядом — медицинская книжка. Михаил машинально отметил её, но значения не придал.

— Я знаю, чем ты занимаешься по ночам, — сказал полковник. — Архивы, старые дела, кассеты отца. Звездочёт. Дело приостановлено, Россинский. Официально. У нас нет новых улик, нет свидетелей, нет подозреваемых. Есть только твоя одержимость.

— Одержимость — это когда не можешь остановиться, —

тихо сказал Михаил. — Я могу. Я просто не хочу.

— Это одно и то же.

— Нет.

Громов вздохнул. Взял папку, подвинул через стол.

— Это — новое дело. Убийство. Жёсткое. Врач частной клиники найден мёртвым в своём кабинете сегодня ночью. Подробности у Петра. Дело пахнет серией — наш технарь уже накопал связь с парой старых случаев. Я передаю его тебе.

— У меня есть дело.

— У тебя его нет. Ты либо берёшь это, либо я отстраняю тебя по состоянию здоровья. Официально. С рапортом. С записью в личном деле.

Михаил сжал термос. Пальцы побелели на металле.

— Ты не можешь.

— Могу. И сделаю. — Голос Громова звучал спокойно, но в нём звенела сталь. — Я не позволю тебе сгореть. Ты хо-

роший следователь, Россинский. Лучший из тех, что у меня были. Но ты сгораешь. Я вижу это уже три месяца. Сначала думал — справишься, перебесишься. Не справляешься. Поэтому я вмешиваюсь.

— Это не забота. Это шантаж.

— Это руководство. Разницу ты знаешь.

Тишина повисла в кабинете. За окном проехала машина, обдав лужу волной грязной воды. Михаил смотрел на папку. Папка смотрела на него белой обложкой без имени.

— Что за врач? — спросил он наконец.

— Косметолог. Дорогая клиника в центре. Подробности — у Петра. Он уже в лаборатории.

— Почему я?

— Потому что это сложное дело. Потому что мне нужен лучший. Потому что если я оставлю тебя без работы, ты окончательно сойдёшь с ума в своём подвале на Духовском.

Михаил дёрнулся. О заводе он не говорил никому. Громов усмехнулся уголком рта:

— Думал, я не знаю про твоё убежище? Я старый опер, Россинский. Я знаю всё. Особенно то, что мои сотрудники пытаются скрыть.

— Тогда ты знаешь, что я не могу просто...

— Можешь. — Громов подался вперёд. — Ты берёшь это дело. Ты работаешь. Ты спишь хотя бы по пять часов в сутки. Ты ешь что-то кроме чая. И ты держишь себя в руках. Это не просьба. Это приказ. Невыполнение — отстранение. Ясно?

Михаил смотрел на него. В висках стучало. Термос в руках нагрелся от ладоней, но чай внутри всё равно казался холодным. Он думал о записке во внутреннем кармане. О кассетах. О стенах убежища, завешанных картами и красными нитями. О том, что если его отстранят — у него отберут доступ к архивам, базам, камерам. Он останется один. По-настоящему один.

Этого он допустить не мог.

— Ясно, — сказал он.

— Что — ясно?

— Я беру дело. Я буду спать. Я буду есть. Я буду держать себя в руках.

— И?

— И я найду этого урода.

— Хорошо. — Громов кивнул. — Дело у Петра. Надя уже на выезде. Догоняй.

Михаил встал. Взял папку со стола. У двери обернулся:

— Илья Сергеич.

— Что?

— Это не конец. То дело. Звездочёт. Я не остановлюсь.

— Я знаю, — сказал Громов. — Но сейчас ты работаешь здесь. На этом деле. С этой командой. Всё остальное — в свободное время, которого у тебя не будет. Свободен.

Михаил вышел.

В коридоре было пусто. Он прислонился к стене на секунду, прикрыл глаза. Папка в руке была лёгкой — слишком

лёгкой для дела, которое должно было заменить ему навязчивую идею. Но выбора не было. Приказ есть приказ. А архивы, камеры и базы данных — то, без чего охота на Звездочёта превращалась в гадание по звёздам.

Он открыл термос, сделал глоток. Чай был едва тёплый. Горечь и пустота.

«Держись, Миша. Папа рядом».

Голос отца прозвучал в голове сам собой — непрошенный, но привычный. Михаил открыл глаза. Выдохнул.

Впереди было новое дело. Новый убийца. Новая Москва — мокрая, равнодушная, прячущая в своих внутренностях чью-то ненависть и чью-то кровь.

Он пошёл к лестнице. Термос сунул в карман пальто. Рядом с запиской.

До встречи.

— До встречи, сука, — прошептал он. — До встречи.

На лестнице пахло сыростью и сигаретным дымом — кто-то курил в пролёте, плюя на запреты. Ступени отсвечивали

тусклым кафелем. В окно било серое утро. Март вползал в отдел, как вода в старые ботинки — медленно и неотвратно.

Глава 2

Косметологическая клиника «Эстель» располагалась в тихом центре, в старом доходном доме с лепниной и коваными решётками на окнах первого этажа. Снаружи — респектабельный фасад цвета слоновой кости, табличка из матового стекла, подсвеченная изнутри. Внутри — стерильный коридор, белые двери, запах антисептика и чего-то цветочного, что не могло перебить другой запах, просачивающийся из кабинета № 4.

Запах крови.

Михаил толкнул входную дверь в половине девятого утра. В холле уже толпились: пара оперативников в бахилах, участковый с потеряннным лицом, администраторша — женщина лет пятидесяти в белом халате, которую трясло, как при лихорадке. Она сидела на стуле у стойки ресепшена, закутавшись в чей-то пиджак, и повторяла монотонно:

— Я просто открыла... я просто открыла дверь... я ничего не трогала...

Надя уже была там. Стояла у двери в кабинет, блокнот в руке, карандаш в пучке волос — сегодня вместо шпильки. Увидела Михаила, кивнула коротко. Лицо сосредоточенное, бледное — значит, уже заглянула внутрь.

— Пётр там? — спросил Михаил вместо приветствия.

— Там. Колдует.

— Жертва?

— Мужчина, сорок восемь лет. Виктор Эдуардович Штерн. Врач-косметолог, ведущий специалист клиники. Обнаружен администратором в 7:45. Смерть предположительно ночью — точнее скажет экспертиза.

— Способ?

Надя замялась. Это была секундная заминка, но Михаил заметил.

— Способ? — повторил он.

— Лучше сам посмотри.

Он отодвинул её плечом — мягко, но настойчиво — и вошёл в кабинет.

Кабинет был большим, метров двадцать пять. Окно во всю стену, задёрнутое светлыми жалюзи. Вдоль стен — стеклянные шкафы с препаратами, инструментами, упаковками одноразовых шприцев. Пол — светлый ламинат. На нём — бурые разводы.

Косметологическое кресло стояло в центре. Дорогое, кожаное, с электроприводом. Сейчас оно было откинута почти горизонтально. В нём лежал человек.

Вернее, то, что от него осталось.

Михаил остановился в двух шагах. Руки сами сжались в карманах пальто. Дыхание выровнялось — профессиональная реакция, отточенная годами. Смотреть. Фиксировать. Не отворачиваться.

Мужчина был одет в медицинский халат поверх рубашки. Халат расстёгнут, рубашка разрезана — видимо, уже после смерти. Грудь обнажена. На груди — глубокая рана, идущая от ключицы к животу. Неровная, рваная. Не скальпель. Что-то другое.

Лицо жертвы было запрокинуто. Рот приоткрыт. В нём — марлевая салфетка, пропитанная кровью. Кляп.

Руки привязаны к подлокотникам кресла. Не верёвкой — медицинским бинтом. Широким, эластичным. На запястьях — следы борьбы. Человек пытался освободиться.

Михаил обошёл кресло, встал у изголовья. Посмотрел на лицо жертвы. Глаза открыты. В них застыло что-то среднее между ужасом и удивлением. Он видел этот взгляд раньше — у людей, которые не ожидали, что смерть придёт именно так. Именно к ним. Именно сегодня.

— Доброе утро, — раздался голос Петра из угла.

Бабочкин сидел на корточках у окна, спиной к креслу. Перед ним на полу был расстелен чемоданчик с оборудованием: ультрафиолетовая лампа, пинцеты, пакетики для улик. Он не обернулся — слишком был занят.

— Я бы сказал «с добрым», но оно какое-то не очень доброе, — продолжил он, не оборачиваясь. — У нас тут, Михаил Дмитрич, редкий случай. Человек, который убивает без спешки. Методично. С расстановкой.

— Что нашли?

— Пока немного. След ботинка на ковре — сорок третий размер, мужской. Отпечатков пальцев — ноль. Работал в перчатках. Орудие — предположительно нож с широким лезвием, но не хирургический. Что-то вроде хозяйственного. И ещё — посмотри на запястья.

Михаил наклонился. На запястьях жертвы, поверх бинта, были ещё полосы — более тонкие, аккуратные. Следы пластиковых стяжек.

— Его сначала связали, — сказал он. — Не бинтом. Стяжками. А потом зачем-то перевязали бинтом.

— Именно. — Пётр наконец обернулся. Под глазами у него тоже были круги — видно, подняли рано. Но взгляд горел профессиональным азартом. — Стяжки сняли и унесли с собой. А бинт оставили. Зачем?

— Чтобы запутать. Или чтобы что-то сказать.

— Что?

— Пока не знаю.

Михаил отошёл от кресла, прошёлся по кабинету. Оста-

новился у стола жертвы. На столе — компьютер, клавиатура, мышь. Стекланный стакан с остатками воды. Рамка с фотографией: женщина, двое детей. Снимок старый, выцветший.

— Семья? — спросил он.

— Женат, двое детей, — подтвердила Надя от двери. Она вошла следом, теперь стояла у порога, держа блокнот наготове. — Мальчишки-близнецы, четырнадцать лет. Жена — Штерн Марина Олеговна, сорок три года, домохозяйка. Уже оповещена, едет на опознание.

— Кто нашёл тело?

— Администратор. Лидия Павловна Свиридова. Открывает клинику каждое утро в 7:30. Сегодня пришла как обычно — дверь была заперта, сигнализация снята. Значит, убийца либо знал код, либо имел ключ. Она прошла по кабинетам, увидела его и закричала. Вызвала полицию в 7:48.

— Камеры?

— Есть. Внутренние, в коридоре и у входа. Пётр уже запросил записи. Но есть нюанс. — Надя перелистнула страницу блокнота. — Наружные камеры по улице не работают уже две недели. Замена оборудования. Кто-то знал об этом.

— Или просто повезло, — бросил Пётр. — Но я бы на везение не ставил. Слишком чисто.

Михаил кивнул. Чисто. Это слово царапало. Убийца действовал уверенно, без паники, без лишних движений. Пришёл, связал, провёл операцию — или что это было, — ушёл. Запер дверь. Сигнализация не сработала, потому что он знал код. Или имел доступ.

— Опроси персонал, — сказал он Наде. — Всех. Врачей, медсестёр, уборщиц, охранников, бывших сотрудников. Мне нужен список всех, кто знал код сигнализации за последние полгода. И всех, у кого были ключи.

— Уже начала. Пока — глухо. Все в шоке, никто ничего не видел, никто ничего не знает. Классика.

— Классика кончается, когда начинаешь копать глубже. Копай.

Она кивнула, записала что-то в блокнот. Карандаш мелькнул в пальцах — быстрый, точный.

Михаил вернулся к телу. Что-то не давало ему покоя. Он обошёл кресло ещё раз, медленно. Вгляделся в рану на гру-

ди. Она была слишком грубой для профессионального убийцы. Слишком рваной. Как будто человек резал не для того, чтобы убить быстро, а для того, чтобы...

— Он пытался что-то достать, — проговорил Михаил вслух.

— Что? — Пётр поднял голову.

— Рана. Она глубокая, но не смертельная. Не в сердце. Не в артерию. Вот здесь — видишь? — Он указал на край разреза. — Лезвие ушло вправо. Если бы он хотел убить, бил бы прямо. А он резал и копался.

— Копался? — Пётр подошёл ближе. — В чём?

— В человеке.

Повисла пауза. Пётр сглотнул — видно, его опять начало мутить. Он отошёл на шаг, сделал вид, что поправляет очки.

— Судебный медик будет через полчаса, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он скажет точнее. Но если ты прав, то... зачем?

— Это мы и будем выяснять.

Михаил бросил последний взгляд на тело, развернулся и вышел в коридор. Ему нужно было подумать. В кабинете стало тесно от чужих стен, чужой крови и чужой боли.

В коридоре он прислонился к стене, достал термос. Отвинтил крышку, налил в неё чай — холодный, горький, заваренный ещё вчера. Сделал глоток. Попытался собрать мысли в кучу.

Итак. Врач. Связан. Разрезан. Кляп во рту. Убийца копался в теле. Что-то искал? Или наказывал? Или и то, и другое?

Работал в перчатках. Не оставил отпечатков. Знал код сигнализации. Знал про камеры на улице. Готовился.

Профессионал? Нет. Профессионал убил бы чище. Быстрее. Контрольный выстрел, удар в сердце. А тут — мучительная смерть, долгая, осознанная. Убийца хотел, чтобы жертва чувствовала. И чтобы кто-то потом увидел.

Месть? Возможно.

— Михаил Дмитрич! — голос Петра донёсся из кабинета.
— Подойдите!

Он допил чай, завинтил термос и вернулся.

Пётр стоял у стола жертвы. В руке у него был мобильный телефон в прозрачном пакете для улик.

— Телефон Штерна. Запаролен, но я уже скинул номер нашим — пробьют детализацию в течение часа. А вот это — не телефон. — Он указал на ящик стола, который был выдвинут.

В ящике, среди ручек, стикеров и упаковок жвачки, лежал лист бумаги. Сложенный вдвое. Пётр аккуратно развернул его пинцетом.

На листе было напечатано на принтере — всего одна строка, жирным шрифтом:

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ТЫ УБИЛ ЕЁ. ТЕПЕРЬ ОЧЕРЕДЬ ТЕБЯ.

— «Ты убил её», — прочитала Надя через плечо Михаила. — Значит, это не первая жертва?

— Или первая, — сказал Михаил, глядя на записку, — но не последняя.

Он вспомнил слова Громова: «Пётр уже накопал связь с парой старых случаев». Знал ли полковник больше, чем сказал? Или просто предчувствовал?

— Надя, — сказал он. — Подними всё, что связано с врачом Штерном за последние пять лет. Жалобы пациентов, иски, судебные разбирательства. Особенно — случаи с женским полом. Если он «убил её» — нужно понять, кого.

— Принято.

— Пётр. Камеры, биллинг, отпечатки. Всё, что можно выжать из этого кабинета. И пробей записку — бумага, принтер, шрифт. Может, ниточка.

— Сделаю. — Пётр уже фотографировал записку на телефон. — И ещё кое-что. Посмотри на дату на компьютере.

Михаил обернулся к монитору. Экран был заблокирован, но в углу светилась дата: 18 марта.

— Что с ней?

— Сегодня 18 марта, — сказал Пётр. — А записка говорит «пять лет назад». Пять лет назад — это март. Убийца пришёл ровно в годовщину.

— Не просто месть, — медленно проговорил Михаил. — Ритуал.

Он снова посмотрел на тело в кресле, на записку в пакете, на кровавые разводы на ламинате. В голове складывалась картина — пока разрозненная, как осколки разбитой чашки. Но центральная мысль уже пульсировала: убийца будет продолжать. Этот человек ждал пять лет. Он не ограничится одним врачом.

— Работаем, — сказал он. — У нас, судя по всему, серия.

В тот же день, ближе к вечеру, команда собралась в отделе.

Пётр развернул ноутбук, подключился к большому экрану. Надя разложила на столе распечатки — пока тонкую стопку. Михаил стоял у окна, спиной к ним, и смотрел на улицу. Там опять начался дождь — мелкий, противный, мартовский. Капли ползли по стеклу, оставляя грязные дорожки.

— Итак, — начал Пётр, — что мы имеем на данный момент. Виктор Эдуардович Штерн, сорок восемь лет, косметолог.

лог, стаж двадцать три года. Работал в клинике «Эстель» последние восемь лет. До этого — в городской больнице. Женат, двое детей. Чист перед законом — ни одного иска, ни одной жалобы за всё время работы.

— Чист? — переспросила Надя. — А записка говорит «ты убил её».

— В том-то и дело. Официально — чист. Неофициально — я покопался в архивах больницы, где он работал раньше. И нашёл интересную деталь. Пять лет назад, в марте, в больницу поступила женщина с осложнениями после косметологической процедуры. Процедуру проводил Штерн, но на тот момент он уже работал в «Эстель». Женщину привезли в городскую, потому что это было ближе. Она умерла через три дня.

— От чего?

— Сепсис. Заражение крови. По документам — врачебная ошибка.

— По документам?

— Именно. — Пётр вывел на экран скан старого документа. — Дело о врачебной халатности. Истец — муж погиб-

шей. Дело развалили в суде. Адвокаты клиники доказали, что женщина сама нарушила рекомендации после процедуры. Штерна оправдали. Он продолжил работать.

— А муж?

— А муж, — Пётр сменил слайд, — бывший сотрудник органов. Опер. Уволился через месяц после суда. По собственному желанию.

На экране появилась фотография. Мужчина лет сорока, тёмные волосы, тяжёлый взгляд. Лицо человека, который привык смотреть на мир через прицел — но не оружия, а собственной воли.

— Его зовут Олег Викторович Камышин, — сказал Пётр. — Сорок пять лет. Бывший старший оперуполномоченный одного из московских отделов. Уволился вскоре после смерти жены. С тех пор — тишина. Не работает, не появляется, не светится. Как в воду канул.

Михаил отвернулся от окна. Подошёл к экрану, вгляделся в лицо на фотографии. Что-то в этом взгляде было знакомое. Что-то, что он видел каждое утро в зеркале.

— Связь со Штерном подтверждена? — спросил он.

— Прямая. Камышин был истцом в том деле. И он проиграл.

— Значит, у него был мотив. — Надя отложила карандаш. — Классический: месть за жену. Пять лет он ждал и готовился.

— Это только версия, — предостерёг Пётр. — У нас нет пока ничего, кроме совпадения дат и факта того суда. Но согласитесь — совпадение жирное.

Михаил вернулся к окну. Камышин. Бывший опер. Тот, кто знает кухню изнутри. Кто умеет не оставлять следов, умеет проходить мимо камер, умеет быть невидимым. Человек, который превратил своё горе в оружие.

«Пять лет назад ты убил её. Теперь очередь тебя».

Если это Камышин — он не остановится. Штерн был первым в цепочке. Кто был вторым? Адвокат, который развалил дело? Судья, который вынес оправдательный приговор? Свидетели?

— Поднимайте всё по тому процессу, — сказал он. — Всех фигурантов. Врачей, адвокатов, судей, свидетелей, экс-

пертов. Мне нужен полный список. И найдите мне Камышина.

— Адрес прописки уже пробили, — сказал Пётр. — Но есть нюанс. По адресу он не живёт уже несколько лет. Соседи говорят — съехал вскоре после похорон жены. Куда — неизвестно.

— Значит, ищите.

— Это ещё не всё, — вмешалась Надя. Она достала из стопки распечаток ещё один лист. — Я опросила персонал клиники. Все в один голос: Штерн был прекрасным врачом, заботливым, внимательным. Никаких конфликтов, никаких угроз. Но одна медсестра сказала кое-что интересное. За последние две недели Штерн был сам не свой. Нервничал. Опаздывал. Один раз она видела, как он говорил по телефону в коридоре — отошёл подальше от всех, почти шёпотом. И один раз сорвался на ассистентку — чего за ним никогда не водилось.

— Он знал, что за ним придут, — сказал Михаил.

— Или боялся чего-то другого.

— Чего?

— Пока не выяснила.

В кабинете повисла пауза. За окном шумел дождь. Пётр печатал что-то на клавиатуре — быстро, отрывисто, как дятел. Надя перебирала бумаги. Михаил думал.

Камышин. Пять лет. Месть. Ритуал. Бывший опер, который знает, как прятать концы. И который почему-то оставил записку. Зачем? Чтобы его нашли? Чтобы начать игру?

— Есть кое-что ещё, — сказал Пётр, не отрываясь от экрана. — Я тут параллельно пробиваю нераскрытые убийства за последние пару лет. И знаете что? Всплыло одно дело. Четыре месяца назад. Мужчина, адвокат по гражданским делам, найден мёртвым в своей квартире. Убит. Но не просто убит — замучен. Дело так и не раскрыли. Я сейчас поднимаю детали.

— Фамилия адвоката?

— Сейчас... — Пётр защёлкал мышью. — Гринберг. Марк Исаакович Гринберг. Пятьдесят три года.

— Связь с Камышиным?

— Пока не вижу. Но если это тот самый адвокат, который представлял клинику в суде...

— Проверь.

— Уже.

Михаил отошёл от окна. Встал у стола, упёрся в него обеими руками. Глянул на карту Москвы, висевшую на стене — старую, с отметками старых дел. Подумал о другой карте, в убежище, где красные нити тянулись от одного города к другому. Звездочёт был где-то там, в тени. Но сейчас здесь был другой хищник. Более понятный. Более земной.

— Значит, так, — сказал он. — Приоритет — Камышин. Его история, его связи, его передвижения за последние пять лет. Второе — фигуранты того судебного процесса. Все, кто был на стороне клиники. Если Камышин мстит — он пойдёт по списку. Мы должны знать этот список раньше, чем он дойдёт до конца.

— Думаешь, он уже начал? — спросила Надя. — Что адвокат четыре месяца назад — это его работа?

— Узнаем, когда Пётр поднимет детали. Но если да — у нас уже три жертвы. Врач, адвокат и, возможно...

— Судья, — закончила Надя. — Следующим будет судья.

Михаил кивнул.

Дождь за окном усилился. Вечерняя Москва тонула в серой мгле. Где-то там, в этой мгле, человек с тяжёлым взглядом и списком имён ждал своего часа. Или уже действовал.

В кармане пальто у Михаила лежала записка. Не та, что нашли в столе Штерна — другая. С тремя словами и острыми буквами.

До встречи.

Он коснулся её пальцами — машинально, как чётки. Одна охота замерла. Другая началась.

— Работаем, — сказал он.

Глава 3

Ночь опустилась на Москву, как мокрая простыня — серая, тяжёлая, беззвёздная. На Хавской, 26 свет горел только в одном окне на третьем этаже — остальные окна спали, прикрывшись жалюзи, как веками.

Михаил сидел за столом Петра, потому что его собственный был завален папками Звездочёта, и смотрел в монитор. Перед ним был список. Имена, фамилии, должности, адреса. Семь человек, которые пять лет назад встали между Олегом Камышиным и справедливостью.

Он перечитывал его уже третий раз, как будто надеялся, что буквы сложатся во что-то новое.

1. Штерн Виктор Эдуардович, врач. Мёртв.
2. Гринберг Марк Исаакович, адвокат клиники. Мёртв (предположительно — Пётр ещё ждал подтверждения из архива).
3. Лаврова Алла Сергеевна, судья. Жива. Пока.
4. Хоменко Василий Петрович, заведующий отделением городской больницы, куда поступила жена Камышина. Жив. Пока.
5. Миронова Елена Станиславовна, медсестра-ассистент Штерна во время той процедуры. Жива. Пока.
6. Терехов Дмитрий Андреевич, эксперт, давший заключение о «нарушении рекомендаций пациенткой». Жив. Пока.
7. Завьялова Светлана Игоревна, свидетельница — администратор клиники, подтвердившая, что пациентка подписала документы о рисках. Жива. Пока.

Семь человек. Один мёртв точно. Второй — с высокой вероятностью. Пять остальных — живые мишени, которые, возможно, ещё не знают, что на них открыта охота.

Камышин методично шёл по списку. Не спешил. Пять лет он ждал, пять лет вынашивал план. Ещё пара недель или месяцев для него ничего не значили — он растягивал возмездие, смаковал его, как последний ужин перед казнью.

Михаил отодвинул клавиатуру, потёр глаза. Они горели, как будто в них насыпали песка. Последний раз он спал... он не помнил, когда. Два дня назад? Три? Сон стал чем-то абстрактным — вроде отпуска или хорошей погоды: вроде бывает, но не у него.

— Ты опять не спал.

Голос Нади. Он не услышал, как она вошла.

— Я сплю на ходу, — ответил он, не оборачиваясь. — Экономия времени.

— Это не экономия. Это медленное самоубийство. — Она подошла ближе, положила на стол прозрачный пакет с сэндвичем из автомата. — Ешь.

— Я не голоден.

— Врёшь. У тебя руки дрожат.

Он опустил взгляд на свои пальцы. Она была права. Мелкий тремор — следствие кофеина и истощения. Михаил сжал руки в кулаки, потом расслабил. Не помогло.

— Судья Лаврова, — сказал он, меняя тему. — Я запросил её адрес и контакты. С ней нужно связаться завтра с утра. Предупредить.

— Уже. — Надя достала блокнот. — Я дозвонилась ей полчаса назад. Она была... не в восторге.

— В каком смысле?

— В прямом. Сказала, что это дело пятилетней давности, что оно закрыто и пересмотру не подлежит, что она не собирается обсуждать его среди ночи и что если нам нужно — пусть будет завтра в её кабинете в Мосгорсуде в десять утра. И бросила трубку.

— Грубо.

— Она судья. Она привыкла, что последнее слово за ней.

Михаил кивнул. Судьи редко бывают приветливыми со следствием — профессиональная деформация. Но Лаврова не понимала главного: за ней уже выехали. Не полицейская машина с мигалкой — другая машина, без опознавательных знаков. И человек в ней не будет звонить заранее.

— Завтра в десять я поеду к ней, — сказал он. — А пока — список.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.